

А. И. Куляпин, Е. А. Худенко

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

Сюжет «провинциал в столице» в произведениях В. М. Шукшина*

Рассматривается сквозной сюжет «провинциал в столице», реализованный в прозе В. М. Шукшина. Сюжет семантически поливариантен. Первый комплекс – «завоевание столицы» – связан с реализацией амбивалентных сем: завоевание оценивается первоначально героями как победа, затем превращается в личностное и общественное поражение. Инвариантом является сюжетная линия «столица как плен и каторга для души». Второй семиотический комплекс базируется на модели столицы как карнавального пространства и испугательного места. Персонажи Шукшина проходят испытания за пересечение символической границы. Третий комплекс реализуется психологически: посещение столицы выключает героя из обычной жизни и кардинально меняет его. Сюжет «провинциал в столице», являясь структурообразующим для творчества писателя, наполнен мифологическими, топографическими, автобиографическими деталями.

Ключевые слова: сюжет, провинциал в столице, пространство, Шукшин, проза.

«Провинциал в столице» – очень продуктивная сюжетная схема, востребованная в литературе и культуре разных стран и эпох. Для В. М. Шукшина, с огромным трудом завоевавшего себе место на столичном культурном олимпе, этот сюжет особенно значим. Структурно сюжет разветвляется на несколько составляющих микросюжетов с различным семиотическим содержанием.

1. Завоевание столицы

1.1. Победа и смерть в Москве. Трагическое содержание сюжетной схемы, обозначенное одновременно через победу/смерть, реализовано прежде всего

* Исследование выполнено в рамках совместного научного проекта РФФИ и правительства Алтайского края № 18-412-220004 «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Куляпин Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия; ovgemena@yandex.ru)

Худенко Елена Анатольевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия; helenahudenko@mail.ru)

в романе «Я пришел дать вам волю» (1971). Степан Разин, «прущий» на Москву на свою гибель, сравнивается исследователями как с Христом, так и с антихристом. Так, И. И. Плеханова указывает, что «аналогия с Христом подчеркивает и непримиримость самого Иисуса, и крестный путь “распятого грозного атамана”» [Плеханова, 2009, с. 198]. На подобную амбивалентность смыслов в образе Разина указывает и Е. Черносвитов, говоря о том, что русская душа героя мается «между двух, чуждых ей взглядов на мир – христианством и эзотерической мистикой» [Черносвитов, 1989, с. 129]. По Шукшину, при всем богоборческом пафосе и кощунственных поступках Разина (рубка икон и пр.), вождь крестьянской войны – это мессия XVII в., он сознательно идет в столицу на муки и смерть ради освобождения человечества. В истолковании Матвея Иванова жертва Разина даже выше Христовой:

Вы что, в смерть не верите, что ли? Ну, тот – сын божий, он знал, что воскреснет... А ты-то? То ли вы думаете: любят вас все, – стало, никакого конца не будет. Так, что ли? Ясно видит: сгинет – нет, идет [Шукшин, 2014, т. 4, с. 296]¹.

Матвей вспоминает крестный путь Иисуса в Иерусалим почти сразу после того, как атаману в бреду представляется сцена его триумфального вступления в российскую столицу:

И, утратив вовсе сознание, увидел Степан на короткое время: Москва... В ясный-ясный голубой день – престольная, праздничная. Что же это за праздник такой?

Звон колокольный и гул... Сотни колоколов гудят. Все звонницы Москвы, все сорок сороков шлют небесам могучую, благодарную песнь за добрые и славные дела, ниспосланные на землю справедливой вселенской силой.

Народ ликует. Да что же за праздник?

Москва встречает атамана Стеньку Разина.

Едет Стенька на белом коне, в окружении любимых атаманов и есаулов.

А сзади – все его войско. <...>

Народ московский приветствует батюшку-атамана, кланяется. Степан тоже кланяется с коня, улыбается. Натерпелись люди... (т. 4, с. 293–294)

Москва «престольная, праздничная», встречающая атамана «звоном сорока колоколен», – с одной стороны, и Москва «висельная», «голгофная» – с другой. Столица в романе является средоточием всей Руси, ее сердечных помыслов, но это еще и топос Власти. Отсюда – завоевание Москвы мыслится как решающий этап освобождения всего русского народа от ига Государства. Однако в этом «победительном» акте скрыта одновременно и угроза поражения восстания. Разин-триумфатор освободить крестьян, разумеется, в любом случае не смог бы – благую весть о воле сумел принести людям только Разин-страстотерпец. Атамана, конечно, не случайно ввозят в Москву «распятым»:

И загудели опять все сорок сороков московских.

Разина ввозили в Москву.

Триста пеших стрельцов с распущенными знаменами шествовали впереди.

Затем ехал Степан на большой телеге с виселицей. Под этой-то виселицей, с перекладины которой свисала петля, был распят грозный атаман –

¹ Далее цитаты из произведений В. М. Шукшина даются по этому изданию с указанием тома и страницы в круглых скобках.

руки, ноги и шея его были прикованы цепями к столбам и к перекладине виселицы. Одет он был в лохмотья, без сапог, в белых чулках. За телегой, прикованный к ней за шею тоже цепью, шел Фрол Разин.

Телегу везли три одномастных (вороних) коня (т. 4, с. 321).

Эмблематичная деталь, традиционно связанная с образом Руси, – птица-тройка в данном контексте отсылает к мысли о неготовности крестьянской Руси к освобождению (птица-тройка влечит к месту казни) и, кроме того, вводит песенный мотив «черного ворона» как знака неминуемой, роковой судьбы героя.

Разумеется, в данном случае для Шукшина неважно, провинциалом ли завоевана столица. Разин реализует пределы всякой экзистенциально выстроенной человеческой судьбы, однако движение героя к центру есть один из необходимых векторов такой судьбы.

1.2. Москва – плен, каторга для души. В рассказе «Жена мужа в Париж провела» (1971) новоявленный москвич Колька Паратов –

обаятельный парень, сероглазый, чуть скуластый, с льяным чубариком-чубчиком. Хоть невысок ростом, но какой-то очень надежный, крепкий сибирячок, каких запомнила Москва 1941 года, когда такие вот, ясноглазые, в белых полушубках день и ночь шли и шли по улицам, одним своим видом успокаивая большой город (т. 5, с. 210).

В середине рассказа Шукшин еще раз повторит главное: сибирские – значит «крепкие, способные вынести много» (т. 5, с. 212).

Экскурс в историю Великой Отечественной войны вовсе не случайный, он понадобился автору для того, чтобы акцентировать амбивалентность отношений между Сибирью и столицей. Колька Паратов, внешне так похожий на защитников Москвы 1941 г., выступает скорее в роли завоевателя. «Гордая» москвичка Валя оказывается «в плену» (т. 5, с. 211) у сибирского солдата. Знаковая деталь – Колька в одной из сцен немотивированно переходит на немецкий язык. На простой вопрос: «Какой размер, Коля?» – он почему-то отвечает: «Фиер цванцих» (Там же). Впрочем, покорение столицы оборачивается неволей и для самого «сибиряка-Кольки» (Там же). Он быстро осознает, что «сел намертво», «влип», его жизнь – «добровольная каторга» (т. 5, с. 212, 215). Они с женой «напрочь чужие друг другу люди» (т. 5, с. 212), но вырваться из московского плена Кольке уже не дано. В финале повествования он открывает на кухне газ и заканчивает жизнь самоубийством.

В контексте завоевания москвички Вали не случайной оказывается и «литературная» фамилия шукшинского персонажа: автор как бы напоминает сюжет о купце Сергее Сергеевиче Паратове («Колька был парень не промах») из пьесы А. Н. Островского «Бесприданница», покорившем Ларису Огудалову и разбившем ей жизнь. Однако окончательная расстановка акцентов оказывается в рассказе Шукшина прямо противоположной: на фоне «левых» заработков жены именно Колька смотрится «бесприданником», а трагическая судьба Ларисы проецируется на суицидальный финал Колькиной судьбы. При этом несомненна и гендерная ротация, произошедшая с персонажами: именно Колька заботится о маленькой дочери, смотрится более чувствительным и по-женски ранимым, Валя же воплощает агрессивную стратегию завоевания «места под солнцем», увеличивая материальное благосостояние семьи.

В заголовке рассказа упомянута еще одна столица – Париж, которая одновременно иррадирует к двум смысловым полям: с одной стороны, это такая же «каторга», как Москва, это некое адское место (в песне, откуда взята строка, – жена насушила «сухарей», именно в Париже должен «забрать» мужа «черт»). С другой – Париж становится буквальной реализацией понятия «(за)границы»,

метафизически маркируя зону жизни и смерти, неизведанного, непостижимого бытия. И в этом смысле Париж – антитеза Москве, зона освобождения от каторги, обмана.

Неоднозначность семиотики столичного топоса в поэтике Шукшина несомненна. Н. В. Ковтун подчеркивает, что «городские локусы, вещно-предметные знаки обнаруживают в мире Шукшина полисемантическую, своеобразно вписываясь в художественную картину мира. Автор понимает бытие как процесс, вечное движение форм, диктующее взаимообратимость явлений, взаимопроницаемость пространств» [Ковтун, 2012, с. 92].

2. Москва – пространство игры, лицедейства, обмана

В рассказе «И разыгрались же кони в поле» (1964) дан сюжет посещения героями ВДНХ, где экспонируется образцовый жеребец. Председатель степного алтайского колхоза Кондрат убежден, что выставочный красавец-конь не годится в подметки его собственному – Буяну. В миражном пространстве главной советской выставки организуется некое лицедейство, карнавал, когда одно выдается за другое: внешне красиво выглядящий орловский жеребец, по мнению Кондрата, при беге «не выдержит и двадцати верст» (т. 1, с. 226).

Герои рассказа – Кондрат и его сын Минька, приехавший учиться в Москву на артиста (что значимо в контексте сквозного мотива лицедейства), тоскуют по родной стороне. Однако если Кондрат не отрицает собственной тоски, то молодой Минька готов разменять ее на увеселения в Парке культуры им. Горького. Минька уже ощущает себя горожанином, явно понимающим преимущества городской жизни перед сельской.

Москва становится для «человека от земли» не просто местом для праздничной жизни, но и своего рода пространством искушения, где происходит проверка его на верность нравственным (почвенническим) ценностям.

Московская топонимика в текстах Шукшина чаще всего связана с местами общественного посещения, зонами публичной коммуникации. Помимо ВДНХ, Парка культуры Горького, московских вокзалов, это ГУМ и зоопарк – знаковые точки столичного пространства. Театрализованность данных локусов, их насыщенная игровая природа позволяет трактовать Москву для провинциала как Новый Вавилон.

Героине киноповести «Печки-лавочки» (1969) Нюре хочется посетить ГУМ, а герою – зоопарк и, если удастся, съездить в крематорий, такова «странная туристическая программа Ивана Расторгуева» [Скубач, 2016, с. 150]. Именно это последнее пространство и детализируется далее, характеризуя Москву как Некрополь, город мертвых:

Профессор-хозяин тоже изобразил обаятельную улыбку.

– А как себя чувствует Вавилон?

Профессор-гость не снимал игривого тона:

– Ну, ему-то что делается! Растет. Шумит.

– Нет, это не рост – нагромождение, – сказал хозяин. – Рост – нечто другое... Живая, тихая жизнь. Все, что громоздится, то ужасно шумит о себе (т. 5, с. 294).

Прирост населения связан именно с деревней-матушкой, которая, как говорит герой, «опять за всех отдувается». Столица же как бы «уравновешивает» этот прирост, решая проблему по-европейски, не вполне характерным для русского сознания способом – крематорием.

Миф «Москва как Вавилон» частотно появляется в литературе советского периода (М. Булгаков «Дьяволиада», 1924; Ю. Олеша «Зависть», 1927; Н. Эрдман

«Мандат», 1925; «Самоубийца», 1928; А. Белый «Москва», 1926; и др.) и «существует в культуре и различных текстах до сегодняшнего дня... Для Москвы-Вавилона актуальными становятся мотивы лабиринта, бесовского кружения, столпотворения, образы демонического и потустороннего... символы проклятия и греха» [Бояршинова, 2015, с. 17, 18].

В киноповести Шукшина мотив бесовского лабиринта, адовой воронки связан именно с ГУМом:

ГУМ.

Людская река растекается здесь на десятки проток. То закрутит у прилавка с носками, то увлечет в салон электроприборов... То вынесет на горбатый мостик, и тогда можно оглядеться, передохнуть, прийти в себя (т. 5, с. 295).

Отметим, что заданная В. Н. Топоровым символическая оппозиция к городу-бездне, городу-Вавилону, названная им Небесный Иерусалим (град Небесный) [Топоров, 1987, с. 122], в текстах Шукшина не реализуется. Отсутствие символической вертикали позволяет предположить, что Небесный Иерусалим покинут героями и связан у Шукшина с топом провинции, деревни. По замечанию И. П. Смирнова, «только в провинции (откуда явился Христос) способна выжить доподлинность» [Смирнов, 2003, с. 216]. Шукшин, назвавший в одном из писем к матери Москву «тяжким мучительным городом» и мечтавший «приехать домой, в деревню» (т. 8, с. 275), прекрасно это осознавал.

Шукшинский герой-провинциал подвергается испытанию столицей, Москва становится проклятым местом, местом наказания за грехи – прежде всего за разрыв связей с родной землей. При этом пребывание героя на «чужой территории» пробуждает в нем желание утвердиться в этом мире. Именно такое ситуативно-агрессивное поведение реализует и его комплекс провинциала в столице.

3. Комплекс провинциала в столице

Желание подражать «столичному», а на самом деле – псевдостоличному подчас делает героя откровенно смешным. В рассказе «Классный водитель» (1963) Пашка Холманский – «из кержаков, с верхних сёл по Катуню», желая «покрасоваться» перед сельской красавицей Настей, выдает себя за москвича. Он манерно предлагает ей «тур вальса», удивляется ее «серости», с комичной серьезностью сообщает, что читал «Капитал» Маркса. Узнав, что у Насти есть жених, действительно инженер-москвич, и что дело у них идет к свадьбе, Пашка готов сразиться с «соперником»:

Пашка внимательно следил за Настей и, казалось, не слушал, что ему говорят. Потом сдвинул фуражку на затылок, прищурился.

– Посмотрим, кто кого сфотографирует, – сказал он и поправил фуражку. – Где он?

– Кто?

– Инженеришка.

– Его нету сегодня.

– Я интеллигентов одной левой делаю (т. 1, с. 190).

Пашка Холманский, действительно, становится в определенный момент сильнее и решительнее Настиного избранника, однако любовная битва им в итоге проиграна, и совсем не потому, что его соперник – москвич, а потому, что любовь не зависит ни от каких географических координат.

По замечанию исследователей, «провинциалы и жители столицы находятся словно в разных пространствах, поэтому особенно интересной является ситуация,

когда, например, жители глубинки попадают в столичный мир, чужой и неприветливый для них, но очень заманчивый и соблазнительный» [Карпова, Строганов, 2012, с. 35].

В киноповести «А поутру они проснулись» (1974) герой рассказывает о приятеле-провинциале из Хабаровска, приехавшем в Москву:

У меня друг живет в Хабаровске, приезжал в командировку... ну, погуляли малость: давно не виделись, а у него на производстве со спиртом связано. Потом, знаете, эти сибиряки: наскучают там, приезжают и давай ферверки пускать. Кошмар! Я уж говорю: «Коля, тормози, я не выдюжу», он только рукой машет (т. 7, с. 250).

Москва, пространственно отдаленная для любого провинциала, воспринимается как центр культуры, но приезжающий туда шукшинский герой фактически даже не успевает «вкусить» прелестей культуры, занимаясь в этот короткий промежуток внезапно возникшего свободного времени тем, чем он занимается дома в выходные дни, – выпивает.

Таким образом, сюжет «провинциал в столице» втягивает героя в пространство испытаний, реализуемых, главным образом, через оппозиции культура/цивилизация, город/деревня. Москва в мифопоэтическом аспекте часто трактуется Шукшиным как адское место, современный Вавилон, карнавальная мир.

В этом ключе не менее значимым представляется пребывание героя Шукшина в «местной» столице, столице Алтайского края – Барнауле.

4. «Локальная» столица – тюрьма

Примечательно, что смыслы, связанные в текстах Шукшина с Москвой как тюрьмой для души, можно спроецировать на биографический сюжет писателя. Такой тюрьмой, скорее в буквальном, а не метафорическом смысле, становится ближайшая для писателя региональная столица – Барнаул. По воспоминаниям земляков Шукшина, вдовы репрессированных сrostинцев не зря так часто пели песню «А в Барнауле тюрьма большая...» [Он похож на свою родину, 1989, с. 94].

В незаконченном автобиографическом рассказе под названием «Солнечные кольца» (опубл. в 1989 г.) писатель вспоминает о матери:

А когда взяли отца, она сама же плакала. Все ждала: отпустят. Не отпустили. Перегнали в Барнаул. Тогда мать и еще одна молодая баба поехали в Барнаул. Ехали в каких-то товарных вагонах, двое суток ехали. (Сейчас за шесть часов доезжают.) Доехали. Пошли в тюрьму (т. 9, с. 40–41).

Действительно, Барнаул, где расстреляли безвинно арестованного отца, был для писателя городом неприятным и избегаемым. «Анализ произведений Шукшина показывает, что Барнаул либо “выпадает” из пространства художественного мира писателя, либо приобретает негативные коннотации. <...> ...Это своеобразный locus non gratus в художественном пространстве Шукшина» [Марьин, 2012, с. 102–103].

В повести «Там, вдали» (1966) именно в городе, чьи приметы узнаваемы (например, герой работает в СМУ-5), происходит нравственное разложение героини Ольги: она пьет, гуляет, оказывается замешанной в историю со сбытом нелегально производимой обуви. Барнаул становится местом обмана, лжи, деградации личности. Шукшин вновь обращается к идее глубокого духовного кризиса, что переживает человек, оторвавшийся от своих корней и предавший свою природную сущность.

Таким образом, сюжет «провинциал в столице» в творчестве В. М. Шукшина обретает многоплановость. Москва предстает как место завоевания и воплощения

мечтаний героя о свободе и воле (Степан Разин), как место духовной каторги и смерти для тех шукшинских персонажей, кто так и не смог преодолеть разрыв связей с родной землей, деревней (Колька Паратов). Кроме того, Москва показана мифологически как место адского наваждения и обмана, бесовского лабиринта, становящегося для героя одновременно наказанием за грехи и искуплением. Москва манит провинциала достопримечательностями культурного толка, которые он часто или не успевает увидеть и понять, или это культурно-столичное оказывается псевдокультурным, лживо наигранным и карнавальным по своей сути.

Список литературы

- Бояршинова Н. А.* Формирование образа Москвы в отечественном кинематографе: Дис. ... канд. искусствоведения. М.: ВГИК, 2015. 180 с.
- Карпова Е. М., Строганов М. В.* Провинциал/-ка в столице // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 3. С. 35–37.
- Ковтун Н. В.* Образ городской цивилизации в поздних рассказах В. М. Шукшина: миметический и семантический аспекты // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2012. № 1(17). С. 74–93.
- Марьин Д. В.* Шукшинская география (города СССР в жизни и творчестве В. М. Шукшина) // Сибирский филологический журнал. 2012. № 3. С. 99–105.
- Он похож на свою родину: Земляки о Шукшине. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 248 с.
- Плеханова И. И.* Степан Разин – шукшинское решение дилеммы «С кем быть – с Христом или с истиной?» // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве: Материалы VIII Всерос. юбилейной науч. конф. с международ. участием, Барнаул, Бийск, Сростки, 23–25 июля 2009 г. Барнаул: Азбука, 2009. С. 189–206.
- Скубач О. А.* Советская культурная география середины XX века в прозе В. М. Шукшина // Геопозитика писателей Сибири и Алтая: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. И. Куляпин. Барнаул: АлтГПУ, 2016. С. 141–150.
- Смирнов И. П.* О метапозиции. Провинция // Звезда. 2003. № 11. С. 216–219.
- Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. С. 121–132.
- Черносвитов Е.* Пройти по краю. Василий Шукшин: Мысли о жизни, смерти и бессмертии. М.: Современник, 1989. 237 с.
- Шукшин В. М.* Собрание сочинений: В 9 т. Барнаул: Изд. дом «Барнаул», 2014.

A. I. Kulyapin¹, E. A. Khudenko²

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russian Federation

¹ovremena@yandex.ru, ²helenahudenko@mail.ru

The plot of «a provincial in the capital» in the works of V. M. Shukshin

The paper deals with the cross-cutting plot «a provincial in the capital» implemented in the prose of V. Shukshin. The plot splits into several semiotic components. The first semiotic complex is marked as «the conquest of the capital». It is connected with the implementation of the internally opposite semes: for the heroes of Shukshin, the conquest of the capital at first turns out a victory, and then a personal and social defeat (the novel «I came to give you freedom»). The invariant part is the storyline of «the capital as a prison and hard labour for the soul» (the story «The wife saw her husband off to Paris»). The second semiotic complex is based on the idea: «Moscow is like a carnival space, a theatrical playground», where the characters of Shukshin choose to get acquainted with the capital places in the corresponding directions (zoo, GUM, crematorium). They are examined for the «sins» – first of all for breaking ties with their native land and then-consciously chosen, but often unconsciously being aware of the tragic marginality

(«And released the horses in a field», «Pechki-Lavochki»). Moscow becomes the cursed place for Shukshin's heroes, archetypally ascending to the model of a demonic maze, hell, wandering space of the human spirit in search of truth. The third semiotic complex is realised through the psychological state of the hero-provincial, who found himself in the capital. The psychology of the provincial is an extremely incompatible combination of rural snobbery and of the capital as a festive place where the hero is not only willing to taste «the charms of culture» but also to violate the social boundaries as his visit to the capital coincides with the shutdown of the hero from his mundane, everyday life («A first-class driver», «And in the morning they woke up»). A separate semiotic incarnation of the story is the hero's staying in the capital of Altai region Barnaul. The identity of the negative connotations of the regional capital allows one to compare Barnaul to Moscow—a prison. In this context, this semiotic relationship is embodied by Shukshin not metaphorically but literally, biographically: Barnaul is a prison, and also the place of execution of the writer's father («The sun rings»). Ultimately, the plot of «the provincial capital» in the stories and novels (film novels) by Shukshin is implemented in many ways: the story is filled with historical, mythological, topographical, autobiographical details and is one of the backbones for the entire artistic creation of the writer.

Keywords: the story, the provincial capital, space, Shukshin, prose.

DOI 10.17223/18137083/64/11

References

- Boyarshinova N. A. *Formirovaniye obraza Moskvy v otechestvennom kinematografe* [The formation of the image of Moscow in the domestic film industry]. Cand. art diss. Moscow, VGIK, 2015, 180 p.
- Chernosvitov E. *Proyti po krayu. Vasily Shukshin: Mysli o zhizni, smerti i bessmertii* [Walk along the edge. Vasily Shukshin: Thoughts on life, death and immortality]. Moscow, Sovremennik, 1989, 237 p.
- Karpova E. M., Stroganov M. V. *Provintsial'-ka v stolitse* [A provincial in the capital]. *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. 2012, no. 3, pp. 35–37.
- Kovtun N. V. *Obraz gorodskoy tsivilizatsii v pozdnykh rasskazakh V. M. Shukshina: mimesicheskiy i semanticheskiy aspekty* [The image of urban civilization in the later stories of V. M. Shukshin: mimetic and semantic aspects]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2012, no. 1(17), pp. 74–93.
- Mar'in D. V. *Shukshinskaya geografiya (goroda SSSR v zhizni i tvorchestve V. M. Shukshina)* [Geography of Shukshin (cities of the USSR in life and work of V. M. Shukshin)]. *Siberian Journal of Philology*. 2012, no. 3, pp. 99–105.
- On pokhozh na svoyu rodinu: Zemlyaki o Shukshine* [He is like his homeland: The countrymen about Shukshin]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1989, 248 p.
- Plekhanova I. I. *Stepan Razin – shukshinskoye resheniye dilemmy “S kem byt' – s Khristom ili s istinoy?”* [Stepan Razin – the Shukshin solution to the dilemma “With whom to be – with Christ or with the truth?”]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v mezhnatsional'nom kul'turnom prostranstve: Materialy VIII Vseros. yubileynoy nauch. konf. s mezhdunar. uchastiyem, Barnaul, Biysk, Srostki, 23–25 iyulya 2009 g.* [Creativity of V. M. Shukshin in the interethnic cultural space: materials of 8th all Russian anniversary sci. conf. with intern. participation, Barnaul, Biysk, Srostki, July 23–25, 2009]. Barnaul, Azbuka, 2009, pp. 189–206.
- Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected works: in 9 vols]. Barnaul, Izd. dom “Barnaul”, 2014.
- Skubach O. A. *Sovetskaya kul'turnaya geografiya serediny XX veka v proze V. M. Shukshina* [Soviet cultural geography of the mid-twentieth century in the prose of V. Shukshin]. In: *Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya: Sb. nauch. st.* [Geopoetics of the writers of Siberia and Altai: Coll. of sci. art.]. A. I. Kulyapin (Ed.). Barnaul, AltGPU, 2016, pp. 141–150.
- Smirnov I. P. *O metapozitsii. Provintsiya* [About metaposition. Province]. *Zvezda*. 2003, no. 11, pp. 216–219.
- Toporov V. N. *Tekst goroda-devy i goroda-bludnicy v mifologicheskom aspekte* [The text of city-the virgin and town-the loose woman in the mythological aspect]. In: *Issledovaniya po strukture teksta* [Research on the structure of the text]. Moscow, Nauka, 1987, pp. 121–132.